

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Санкт-Петербургский филиал

*В Библиотеку
СРП ИВ
автор
Н. 11. 2004*

На правах рукописи

ПАН Татьяна Александровна

**МАНЬЧЖУРСКИЕ ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЕ
ИМПЕРИИ ЦИН XVII–XVIII ВВ.**

Специальность 07.00.09 – Историография, источниковедение
и методы исторического исследования

**Автореферат диссертации
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук**

Санкт-Петербург
2004

Работа выполнена в Секторе Дальнего Востока
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Кычанов Евгений Иванович

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Смолин Георгий Яковлевич
кандидат исторических наук
Успенский Владимир Леонидович

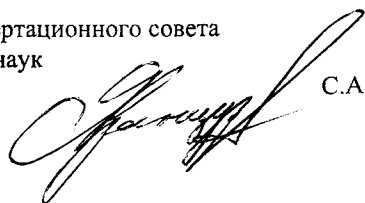
Ведущая организация: Государственный Эрмитаж

Защита состоится **24 декабря 2004 г. в 11 часов** на заседании диссертационного совета Д 002.041.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Санкт-Петербургском филиале Института востоковедения РАН по адресу: 191186 Санкт-Петербург, Дворцовая наб., д. 18.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке
Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН

Автореферат разослан «11» ноября 2004 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета
кандидат исторических наук

С.А. Французов

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью изучения письменных источников на маньчжурском языке, относящихся к периоду возникновения и формирования империи Цин (1644–1911), а также заметно возросшим в 1970–1980-х гг. научным интересом в мире к истории и культуре маньчжуров. На всем протяжении существования империи Цин официальными языками в ней были китайский и маньчжурский. В связи с этим изучение этого периода является предметом двух востоковедных дисциплин: китаеведения и маньчжуроведения.

Маньчжурские и китайские книги и рукописи стали появляться в России и Европе в начале XVIII в. с установлением торговых и культурных связей с цинским Китаем. Все эти издания и материалы относились к истории и культуре империи Цин и изучались с большим вниманием в XVIII и XIX вв., поскольку давали необходимые знания об огромной империи, с которой Россия, в первую очередь, стремилась развивать добрососедские отношения. Однако с падением маньчжурской династии исторические исследования в мире проводились исключительно по источникам на китайском языке; при этом историческая важность маньчжурских материалов недооценивалась. Они считались дословными переводами с китайского, и поэтому не использовались историками. С середины XX в. европейское и японское востоковедение постепенно возвращалось к пониманию важности маньчжурских материалов, что послужило толчком к возрождению маньчжуроведения как самостоятельной науки.

Научная традиция русского маньчжуроведения считалась одной из самых сильных в мировом востоковедении. Многие тексты цинского периода стали известны европейской науке благодаря переводам с маньчжурского языка на русский, сделанными В.В. Горским, И.К. Россохиным, А.Л. Леонтьевым, З.Ф. Леонтьевским и др. Однако в XX в. традиция маньчжуроведных исследований была фактически прервана по нескольким причинам, основной из которых была анти-маньчжурская (по сути своей анти-монархическая) направленность изучения во всем мире цинского периода после свержения маньчжурской династии. Российские историки, создавая свои труды по истории Цин, использовали только китайские источники этого периода, что отражено в коллективных работах и ряде отдельных статей.¹ После Второй мировой войны маньчжурский язык и культура изучались отдельными учеными в плане сравнительного тунгусо-маньчжурского языкознания (О.П. Суник, В.И. Цинциус, В.Л. Аврорин, И.Т. Мороз) и лишь немногие обращались непосредственно к тек-

¹ История северо-восточного Китая XVII–XX вв. Владивосток, 1987; Маньчжурское владычество в Китае / отв. ред. С.Л. Тихвинский. М., 1966; Г.В. Мелихов. Маньчжуры на северо-востоке Китая (XVII в). М., 1974; Б.Г. Доронин. Китай XVII–XVIII вв. Проблемы историографии и источниковедения. Л., 1988; Б.Г. Доронин. Историография императорского Китая XVII–XVIII вв. СПб., 2002.

стам (Е.П. Лебедева, М.П. Волкова, Л.В. Тюрюмина). Около 20 лет назад автор предлагаемой диссертации продолжила работу М.П. Волковой над маньчжурскими материалами Рукописного отдела Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН (СПбФ ИВ РАН) по составлению его научного описания и публикации памятников.

По мере описания и изучения маньчжурских рукописей и ксилографов из европейских, китайских и российских коллекций были обнаружены и стали объектом исследования многие уникальные материалы по истории и культуре раннего периода династии Цин. Поскольку традиция российской школы маньчжуроведения оказалась прерванной, то возникает насущная необходимость ввести обнаруженные тексты в научный оборот и дать обоснование их ценности.

Источниковедческой базой исследования являются памятники маньчжурской истории и литературы, опубликованные за последние десятилетия японскими и европейскими учеными, а также обнаруженные диссертантом во время работы в маньчжурских хранилищах европейских стран и Санкт-Петербурга. Наиболее значимыми являются «Первоначальный маньчжурский архив», «Старый архив на маньчжурском языке», рукописи по ранней истории маньчжур, идентифицированные диссертантом в Музее Гиме (Париж), религиозные и литературные тексты из Рукописного фонда Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Диссертация основана на текстах созданных маньчжурами, китайцами и монголами в XVII–XVIII вв. Работы европейских миссионеров на маньчжурском языке диссертантом не используются, поскольку являются переводами христианской или европейской научной литературы.

Цели и задачи исследования:

- проследить историю образования основных маньчжурских фондов в России и Европе и показать степень их изученности;
- показать неоспоримую важность маньчжурских источников для изучения этого периода;
- выявить и проанализировать наиболее значимые маньчжурские исторические тексты, которые могут дополнить или уточнить историческую картину формирования династии Цин;
- представить религиозную литературу с целью выяснения конфессиональной ситуации в полиэтничном государстве, которым являлась империя Цин;
- выявить основные произведения оригинальной художественной маньчжурской литературы;
- проследить историю развития маньчжурского языка как официального языка империи Цин, на котором создавались исследуемые тексты;
- установить степень культурной китайско-маньчжурско-монгольской интерференции и особенности национальной маньчжурской культуры.

Распределение материала по разделам (маньчжурские памятники по истории Цин, религиозные тексты, литературные произведения на маньчжурском языке, словари и хрестоматии) позволяет более наглядно по-

казать маньчжурскую специфику материалов, относящихся к периоду Цин XVII–XVIII вв., и их актуальность для создания целостного представления о политической и культурной жизни этого периода.

Предмет исследования: процесс зарождения маньчжурской историографии и концептуализация идеологической, религиозной и культурной жизни империи Цин XVII–XVIII вв. Временные рамки предлагаемой диссертации определены тем, что этот период вместил в себя начало формирования маньчжурского государства, его усиление и экспансию, а также – наивысший подъем культуры. Именно в это время были созданы основные маньчжурские памятники, как оригинальные, так и переводные с китайского и монгольского языков.

Научная новизна исследования:

- дана характеристика основных французских и санкт-петербургских коллекций маньчжурских рукописей и ксилографов, которые отражены в опубликованных монографиях диссертанта;
- предложены новые прочтения некоторых уже известных текстов, а также введены в научный оборот новые источники, которые диссертанту удалось обнаружить при составлении каталогов маньчжурских фондов;
- введены в научный оборот отечественного востоковедения редкие маньчжурские тексты по ранней истории Цин, на основе которых создавалась маньчжурская историография и китайские историографические труды этого периода. Показана их значимость для изучения этого периода китайской истории, поскольку они в значительной степени полнее китайских источников и предлагают иную интерпретацию происходивших событий;
- проанализированы религиозные тексты на маньчжурском языке, что позволило создать более целостную картину этого аспекта культуры империи Цин, в которой в равной степени развивались как шаманство, так и буддизм в качестве государственных религий;
- показано, что к концу XVIII в. маньчжуры создали тезаурус китайской культуры на родном языке и могли средствами родного языка передавать сложные понятия и образы китайской литературы;
- проанализированы маньчжурские словари и хрестоматии, свидетельствующие о том, что маньчжурский язык поддерживался и развивался на всем протяжении истории Цин, хотя знаменные маньчжуры, монголы и китайцы со временем стали относиться к маньчжурскому языку только как обязательному для продвижения по службе, переходя в быту на китайский язык.

Теоретическая ценность и практическая значимость результатов исследования. Разбираемые маньчжурские памятники по истории и культуре династии Цин XVII–XVIII вв. значительно восполняют пробел в исследовании этого периода в отечественном востоковедении. Представленный в них фактический материал позволяет взглянуть на империю Цин как на период сосуществования двух культур – на китайском и маньчжурском языках. Материалы и выводы диссертации могут быть

использованы при создании обобщающих работ по китайской историографии, истории и культуре династии Цин, а также при составлении учебных пособий и лекционных курсов по истории становления маньчжурского государства, маньчжурской религии и литературы, а также общего курса по маньчжуроведению.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были представлены на Годичных научных сессиях СПбФ ИВ РАН (1980–2004 гг.), заседаниях Института лингвистических исследований РАН (1999, 2001, 2003 гг.), ежегодных заседаниях Постоянной Международной Алтаистической Конференции (PIAC – 1990–2003 гг.), Международных конференциях по маньчжуроведению в Китае (1990, 1992, 1994, 1996, 1998, 2001, 2004 гг.), на конференциях Международного общества по изучению шаманизма (1993, 1998, 2004). По тематике диссертации был прочитан доклад на заседании Коллеж дэ Франс (Париж, 1997 г.), а также на заседании Ученого совета СПбФ ИВ РАН (2003 г.); прочитан спецкурс в Сорбонне (Париж, 1997 г.) и на Летней школе Амурского государственного университета (Благовещенск, 2002 г.).

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы и приложения с основными маньчжурскими текстами, разбираемыми в диссертации, и их переводом на русский язык.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **Введении** обосновывается актуальность выбранной темы, определяются цели и задачи исследования.

Глава 1 «История образования и изучения маньчжурских фондов в Европе» представляет подробный исторический очерк возникновения и изучения самых крупных маньчжурских фондов Европы – в Париже и Санкт-Петербурге. Формирование коллекций началось с установлением первых торговых, научных и дипломатических связей Европы с Китаем; в результате этого зародились научное китаеведение и маньчжуроведение. В *первом параграфе главы* дается история образования, а во *втором параграфе* – изучения и каталогизации маньчжурского фонда СПбФ ИВ РАН. Эта работа была начата еще в XIX в. и закончена составлением диссертантом описания маньчжурских рукописей и ксилографов СПбФ ИВ РАН.² Вторая самая крупная коллекция Европы хранится в Национальной библиотеке в Париже. Изучению и публикации ее материалов, а также еще тринадцати парижских коллекций, описанных диссертантом³ посвящен *третий параграф главы*.

² Пан Т.А. Описание маньчжурских рукописей и ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Вып. 2, Висбаден, 2001.

³ Pang T.A. Catalogue of Manchu Materials in Paris. Wiesbaden, 1998.

Работая с маньчжурскими материалами указанных книгохранилищ, диссертанту удалось исследовать ряд уникальных рукописей и ксилографов по истории и культуре династии Цин, например, «Обращение Поздней Цзинь к минскому императору Ваньли» (Музей Гиме), «Написанная императором ода Мукдэну» (СПбФ ИВ РАН и Национальная библиотека в Париже), «Рассказы ста двадцати старцев» (СПбФ ИВ РАН) и многие другие.

Глава 2 «Маньчжурские памятники по истории династии Цин» посвящена становлению и развитию маньчжурской историографии. Основными источниками по истории китайских династий обычно считаются «Правдивые записи» *ши лу*, подневные записи *ци цзюй чжу* (досл. «записи о деяниях в пути и пребывании на месте»), священные наставления императоров *шэн сюнь*, династийные истории и др. Как показывают исследования современных маньчжуроведов, таких как М. Вайерс, Дж. Стари, Канда Нобуо, Мацумура Дзюн, Ван Чжунхана и многих других, все вышперечисленные китайские тексты по ранней истории Цин основываются на маньчжурских архивных материалах. В *первом параграфе* главы диссертант разбирает наиболее часто используемое собрание документов, относящихся к 1607–1636 гг. (за исключением 1622 и 1633–1635 гг.), которое условно называется «Маньвэнь лао дан» («Старый архив на маньчжурском языке»).⁴ Его оригинал был записан монгольским, или старо-маньчжурским письмом, без диакритических знаков, но в 1775 г. и 1778 г. по приказу Цяньлуна были сделаны два новых списка по 180 тетрадей каждый: первый воспроизводил оригинал без диакритики и позднее был условно назван «Записи без точек и кружков» (для хранилища Чун-мо-гэ в Шэньяне [Мукдэне] – первой столице маньчжуров), второй список был написан классическим маньчжурским письмом и был озаглавлен «Записи с добавлением точек и кружков» (для хранилища в канцелярии Нэй-гэ в Пекине). Текст представляет собой регистрацию основных событий в истории раннего маньчжурского государства, записи административного характера, постановления императора, назначения на должности, события внутренней жизни дворов Нурхаци и Хун Тайчжи. Это – самые ранние оригинальные источники по истории маньчжур. Поскольку в российской литературе они еще не введены в научный оборот (так как существуют только в маньчжурском варианте, а японский и частичный китайский переводы являются редкими изданиями), то в диссертации дана история их изучения. Она начинается в 1905 г., когда японский ученый Наито Торацзиро исследовал книжные хранилища императорского дворца в Шэньяне и опубликовал информацию о находящихся в нем рукописях.

⁴ Мамбун ро:то: Tongki fuka sindaha hergen i dangse. “The Secret Chronicles of the Manchu Dynasty” 1607–1637. Translated and annotated by Kanda Nobuo, Shimada Jōhei, Matsumura Jun, Okada Keiji, Honda Minobu, Okada Hidehiro. 7 vols. Tokyo, 1955–1963.

Именно он условно обозначил коллекцию этих документов как «Маньвэнь лао дан», и с тех пор это название прочно закрепилось в историографии. Работу завершила группа японских ученых в 1956–1963 гг., издав семь томов текста в латинской транслитерации с подстрочными и литературными переводами на японский язык. Только после публикации полного текста «Маньвэнь лао дан» началось планомерное исследование оригинальных маньчжурских документов периода становления империи Цин. Именно японским ученым принадлежит первенство в сравнительном изучении этих маньчжурских документов с китайскими *ши лу*. Только в сентябре 1962 г. в музее Гу-гун в Тайбэе были обнаружены оригиналы «Старого архива на маньчжурском языке», которые условно названы «Цзю маньчжоу дан» («Первоначальный маньчжурский архив»). Факсимильное издание текстов в десяти томах было осуществлено профессором Чэнь Цзесянем в 1969 г.⁵

Однако было бы неверно утверждать, что только тексты «Цзю маньчжоу дан» и «Маньвэнь лао дан» явились основой составления *ши лу*. Безусловно, существовало большое количество других текстов времен Нурхаца, которые не дошли до нас или еще не обнаружены. Во время составления каталога маньчжурских материалов в Музее Гиме диссертантом были обнаружены две старые рукописи и один ксилограф, не имеющие ни названия, ни даты, однако их содержание касалось событий времен правления Нурхаца. Это была уникальная находка в недрах европейского книгохранилища, поскольку до последнего времени ученые считали, что все ранние маньчжурские тексты уже учтены и находятся на Тайване и в Китае. В 1998 г. все три текста были изданы диссертантом факсимиле (в соавторстве с Дж. Стари). Обнаруженные рукописи являются прекрасной иллюстрацией того, как старо-маньчжурские тексты могут помочь в уточнении некоторых сюжетов, отраженных в поздних исторических текстах династии Цин. Например, в «Маньчжоу ши лу», «Хуан Цин кайго фанлюэ» и «Цин ши гао» есть упоминание о двух покушениях на Нурхаца в 1584 г., которые описаны идентично. Одна из рукописей музея Гиме повествует о том, что на Нурхаца покушались шесть раз, и она, в дополнение к имени Ису, указывает имена еще пяти человек. Становится очевидным, что сам Нурхаца был осведомлен о попытках уничтожить его, предпринимавшихся членами его клана. Видимо, в более поздних текстах *ши лу* и «Хуан Цин кайго фанлюэ» при создании образа первого маньчжурского правителя внутриплеменная борьба сознательно затушевывалась.

Обращение к маньчжурским текстам позволяет исправить и некоторые историографические ошибки, прочно укоренившиеся в русской синологии. Как известно, в официальной китайской исторической литературе император упоминается или под девизом правления или под храмовым именем. Говоря о втором маньчжурском императоре, в китай-

ских текстах пишут либо император *Тяньцун* (1627–1636) или *Чундэ* (1636–1644), либо *Хуантайцзи*, либо храмовое имя *Тайцзун*. В маньчжурских текстах это имя записано как Хун Тайчжи (*Hing Taiji*). В русской и европейской литературе второй маньчжурский император называется Абахай. Именно ранние маньчжурские документы дают точное имя второго императора.

Напомним, что девизы правления были введены маньчжурами под влиянием китайской официальной традиции. В «Цзю маньчжоу дан» и «Маньвэнь лао дан» Нурхаца и его сын упоминаются по обращению к ним с использованием обязательного эпитета: по отношению к Нурхаца используется *Sure kundulen han* – «Мудрый почтенный хан» в период, когда Нурхаца провозгласил империю Поздняя Цинь (1616–1636) и принял девиз правления по-маньчжурски *Abkai fulingga* (благословенный Небом), а по-китайски *Тяньмин* (Мандат Неба). В маньчжурских текстах Нурхаца упоминается только по вышеуказанному эпитету, однако девизы правления имели ограниченное употребление – они были выгравированы на печатях и монетах периода 1616–1626 гг. Второй маньчжурский император в старинных маньчжурских документах обозначен как *Sure han* – «Мудрый хан». В китайских текстах того времени даются китайские девизы его правления. Таким образом, маньчжурское обращение к императору *Sure han* – «Мудрый император» являлось обязательным эпитетом, который в некоторых случаях использовался подобно традиционному китайскому девизу правления (датировка на монетах), однако им не являлся. Исследования показали, что только в маньчжурских текстах начиная с периода Цяньлун, т.е. с 1736 г., когда составлялись *ши лу* первых маньчжурских императоров, появляется маньчжурский вариант девиза правления *Abkai sure*, т.е. *Тяньцун* – «Небесная мудрость». Диссертант показывает как этот титул попал в европейскую литературу через ошибочный перевод Горского, который был повторен Э. Хаузром.

На материале ранних маньчжурских и современных им монгольских текстов диссертант доказывает, что имя второго маньчжурского императора было Хун Тайчжи (хотя и совпадающее фонетически с монгольским титулом *хунтайчжи*). Это имя пишется в два слова, поэтому диссертант предлагает писать его в соответствии с маньчжурским оригиналом, при этом обе части с прописной буквы (как уже принято и в некоторых европейских работах). Имя Абахай применительно к нему – историографическая ошибка. Поскольку она произошла в работе Горского, то настало время исправить эту ошибку и в трудах российских историков, несмотря на то, что она прочно укоренилась в учебниках и научных работах.

Ранние маньчжурские архивные документы содержат ценную информацию о возникновении и становлении государства под руководством Нурхаца и Хун Тайчжи. В этих текстах уже имеются основные положения идеологической политики, на которых строилось будущее государство. *Второй параграф* главы посвящен ксилографу из Музея Гиме, обнару-

⁵ Цзю маньчжоу дан. Под ред. Чэнь Цзесяня. Тайбэй, 1969. 10 т.

женному диссертантом во время работы над составлением каталога французских библиотек. Памятник является маньчжурской версией уже известного китайского текста из Пекинской национальной библиотеки «Обращение Поздней Цзинь к Минскому императору Ваньли». В отличие от китайской обнаруженной нами маньчжурская версия является более полной и содержит дополнительные факты по ранней маньчжурской истории и литературе. Повествование ведется от первого лица и представляет собой обращение императора Нурхацы к китайцам. Письма Нурхацы, собранные в «Цзю маньчжоу дан» и «Маньвэнь лао дан», также свидетельствуют о том, что в период завоевания китайских городов в Ляодуне в 20-е годы XVII в. Нурхацы неоднократно обращался к китайцам с призывом перейти на сторону маньчжур. В связи с тем, что у нас нет более точных сведений о времени появления как китайской, так и маньчжурской версий, диссертант пока принимает датировку текста, предложенную японским историком Иманиси Сюдзю – около 1623 г. В связи с этим можно утверждать, что обнаруженный нами ксилограф из Музея Гиме является самым ранним маньчжурским печатным изданием, рукописный протограф которого пока еще не найден. Политическая значимость этого документа заключается в том, что Нурхацы обосновывал предстоящую гибель династии Мин и неизбежную потерю ею Мандата Неба желанием самого Неба. Обнаруженный нами текст «Обращения», составленный в самом начале существования маньчжурского государства, является уникальным образцом ранне-маньчжурской государственной идеологии, сочетающей в себе шаманское верование во всемогущего повелителя неба *Абкай эндур* и «конфуцианскую» концепцию Неба. На исторических примерах Нурхацы показывает, что Небо отдает предпочтение малому государству, передавая небесный мандат его правителю. Поскольку, по его мнению, именно его империя Поздняя Цзинь (1616–1636) получила поддержку Неба, то период своего правления (1616–1626) Нурхацы назвал по-маньчжурски *Абкай фулингга* (благословенный Небом) и по-китайски *Тяньмин* (Мандат Неба). Поскольку «Обращение» имеется на маньчжурском и китайском языках, то это подтверждает его практическое назначение как агитационно-разъяснительного памфлета, направленного на привлечение сторонников как среди китайцев, так и среди соседних народов (тунгусо-маньчжурских племен, монголов, корейцев).

В *третьем параграфе* разбираются маньчжурские версии *ши лу*, *бэньцзи*, *ци цзю чжу* и *шэнсюнь*. Материалы «Первоначального маньчжурского архива» послужили основой для составления «Правдивых записей о правлении императора Тайцзу», которые были написаны по-маньчжурски, по-китайски и по-монгольски при участии ученых Хифэ, Ло Сюэцина и Гарина в 1636 г. После смерти Хун Тайчжи (в 1643 г.) события его времени были описаны в «Правдивых записях о правлении императора Тайцзуна». Однако оба текста были напечатаны только в 1740 г. в период правления Цяньлуна. Китайские версии этих истори-

ческих документов широко известны, но маньчжурские версии сохранились не полностью и почти не исследованы. Несмотря на то, что первоначальный вариант «Тайцзу ши лу» был написан по схеме китайских хроник, он имел определенную маньчжурскую специфику: *ши лу* было посвящено делам самого Нурхацы и его жены – императрицы Сяоцзу, матери Хун Тайчжи. Позднее, во время регенства Доргоня (брата Хун Тайчжи) «Тайцзу ши лу» было отредактировано: были убраны места, прославляющие императрицу, что связано с борьбой братьев за наследование престола. Следующая редакция маньчжурского текста была сделана во время правления императора Шуньчжи (1644–1661), когда составлялись «Правдивые записи» второго императора Хун Тайчжи – Тайцзуна, завершённые в 1655 г.

Основой для составления *ши лу* и *бэньцзи* (разделов династийных историй, хронологически излагающих события каждого правления) являлись подневные записи деяний императоров *ци цзюй чжу*, которые записывались в течение всего правления, в отличие от *ши лу*, составленных после смерти императора. Подобная официальная фиксация событий началась только при императоре Канси, поэтому самыми ранними маньчжурскими *ци цзюй чжу* являются «Подневные записи императора Канси». По материалам этих текстов можно проследить эволюцию маньчжурского языка: если в начальный период в языке чувствуется сильное влияние монгольского языка, использование маньчжурских топонимов и названий дворцовых построек, то в более поздних *ци цзюй чжу* маньчжурские термины заменяются на китайские, а топонимы и названия даются в маньчжурской транскрипции их китайских иероглифических синонимов. По сравнению с китайскими редакциями маньчжурские тексты подневных записей более информативны и полны, не говоря уже о *ши лу* или *бэньцзи*, в которых довольно часто отсутствуют описания именно маньчжурских ритуалов и церемоний.

Особым произведением цинской исторической науки являются – *шэн сюнь* (священные высказывания императоров), которые являются собраниями указов, высказываний и наставлений зафиксированных и разбросанных по всему корпусу *ши лу*. В отличие от *ши лу*, где события располагаются в хронологическом порядке, в этих работах материал расположен по рубрикам. Их маньчжурская версия до сих пор не являлась объектом специального исследования, и ее анализ был только начат М.П. Волковой.

Характеристика и особенности маньчжурских источников по ранней истории государства Цин позволяют сделать вывод о том, что обращение только к их китайским версиям оказывается недостаточным. Это в значительной степени касается раннего этапа становления государства, периодов правления Нурхацы и Хун Тайчжи, когда маньчжурские источники дополняют и уточняют некоторые факты цинской истории и являются незаменимыми при изучении этого периода.

Глава 3 «Религиозные тексты на маньчжурском языке» посвящена анализу текстов, которые, в основном, относятся к шаманизму и буддизму.

В *первом параграфе* «Шаманство» говорится о том, что как и предыдущие некитайские династии, пришедшие в столицу Поднебесной из Центральной Азии или Дальнего Востока, маньчжуры уже имели свои представления о вселенной, божествах и духах, характерных для тенгризма и шаманизма. Подобно всем тунгусо-маньчжурским народам Сибири и их предшественникам – чжурчжэням, маньчжуры практиковали шаманизм, верховным божеством которого был *Абкай эндури* (дух Неба). Шаманизм, а также умение стрелять из лука (с колена и с лошади на скаку) и говорить по-маньчжурски были признаны обязательными национальными характеристиками правящего этноса еще в период правления первых цинских императоров (начало XVII в.). Официальное признание шаманизма как государственной религии Цин произошло в царствование Цяньлуна и было узаконено «Утвержденным высочайшим указом Уставом шаманской службы маньчжур». В 1747 г. появился его рукописный вариант на маньчжурском языке, а в 1777 г. – на китайском языке. Печатные варианты были изданы соответственно в 1778 и 1782 гг. Памятник состоит из шести тетрадей-*дэбтэлинь/цзюаней*, в которых дается описание различных шаманских жертвоприношений во дворце Кунь-нин-гун и храме Тансэ в Пекине.

Несмотря на распространенность этого текста среди маньчжуров, его полный маньчжурский вариант в европейских коллекциях сохранился только в Национальной библиотеке в Париже и в Рукописном фонде Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Причина создания «Устава» объяснена Цяньлуном в предисловии к рукописи 1747 г.: «Поскольку шаманы последующего времени обучались маньчжурским речениям все друг от друга, путем устной передачи – в основном тексте постоянно возглашаемых молитвенных обращений при жертвоприношениях и в первоначальном произнесении напевов... мало-помалу появились несоответствия... Этим исконные обычаи, обряды маньчжур навсегда останутся вне забвения, ошибок и заблуждений, вследствие чего, можно выявить мое стремление к оказанию великого и высокого почитания обрядов шаманских жертвоприношений». ⁶ В этом предисловии особо отмечено, что в тексте речь идет о шаманских жертвоприношениях в домах рода Ай-синь-Гиоро, т.е. они касаются всех членов императорского рода – от семьи самого государя до домов сановников. Это немаловажное замечание, поскольку дом императора представлял собой эталон ритуальных церемоний. Тем не менее «Устав» допускает тот факт, что каждый маньчжурский клан или род наряду с общими духами верхнего и нижнего миров имел свой пантеон духов-покровителей, которым они также приносили жертвы.

⁶ Цит. по: А.В. Гребенщиков. Устав шаманской службы маньчжуров. Рукопись. Архив востоковедов, фонд 72, оп. 1., ед. хр. 72.

Текст «Устава шаманской службы маньчжур» убедительно показывает, что описанные камлания являлись лишь частью дворцового быта, и их главное значение заключалось в уважении традиции. Как считает американский востоковед Никола ди Козмо, «Устав» был конечным результатом длительного процесса «создания национального самосознания маньчжур в китайской конфуцианской и буддийской среде. Если ранние императоры утвердили маньчжур в китайском мире политически, то Хунли [т.е. император Цяньлун – Т.П.] возвел образ маньчжур в отдельную нацию внутри многонациональной империи создав письменное историческое и культурное наследие». ⁷ В этом плане письменные маньчжурские материалы являются уникальными и самыми ранними аутентичными свидетельствами о шаманской культуре тунгусо-маньчжурских народов.

Во *втором параграфе* говорится о том, что религиозная ситуация в империи Цин была неоднозначной. Даже из приведенных в диссертации отрывков из «Устава» можно судить о сильном влиянии не только китайского ритуала, но и буддийских учений на шаманизм маньчжуров, в первую очередь потому, что в составе раннего государства Цин большую часть населения составляли монголы. Буддизм практиковался на северо-востоке Китая при династиях Ляо и Цзинь, т.е. в X–XIII вв. Мы можем говорить о том, что буддизм в определенной степени был частью маньчжурской культуры уже в конце XVI в. Безусловно, тунгусо-маньчжурские племена, в том числе цзяньчжоуские чжурчжэни во главе с Нурхаци, постепенно через монголов воспринимали буддийское учение. Однако на момент создания маньчжурского государства в начале XVII в. буддизм не успел стать господствующей религией на северо-востоке Китая в той мере, какой он укоренился среди монголов. Тем не менее, элементы буддийской культуры прочно вошли в маньчжурское сознание. На протяжении всей истории династии Цин тибетский буддизм действительно играл очень важную роль в *религиозном* развитии как собственно маньчжурского правящего дома, так и всей страны в целом, при этом в разные периоды его роль то повышалась, то понижалась.

Буддийская религиозная литература в период династии Цин, в основном, создавалась на тибетском, монгольском и китайском языках. На маньчжурском языке она существовала в сравнительно небольшом количестве, и до настоящего времени эта литература мало изучена.

Маньчжурский буддийский канон Ганджур создавался с 1772 по 1790 гг. В предисловии к нему император Цяньлун так объясняет необходимость создания этого варианта текста: «Первый перевод буддийских текстов (с санскрита. – Т.П.) был сделан на тибетский язык, второй – на китайский, третий – на монгольский. Наша августейшая династия Цин

⁷ Di Cosmo N. Manchu shamanic ceremonies at the Qing court // State and court ritual in China. Ed. by J.P. McDermott. Cambridge, 1999. P. 385.

правит Китаем уже более 100 лет. Эти три страны являются подданными нашего государства, но единственное, что отсутствует, это Канон на маньчжурском языке. Как же это возможно?!»⁸ Ганджур переводился не полностью, а лишь те тексты, которые считались подлинными словами Будды. По указу императора было напечатано всего несколько полных экземпляров маньчжурского Ганджура, из которых один хранился в пекинском храме Юн-хэ-гун, два экземпляра – в летней резиденции маньчжурских императоров в Жэхоле (Чэндэ), четвертый – в храме Ши-шэн-сы в Мукдэне. Диссертанту удалось обнаружить следы пятой маньчжурской рукописной копии Ганджура: о ней есть упоминание в рукописи Н.Н. Кроткова «Поездка осенью 1899 года в сибирский буддийский храм», хранящейся в Архиве востоковедов. Н.Н. Кротков дает подробное описание буддийского монастыря сибирцев в Илийском крае, находящемся в деревне Пятой ниру (современная деревня Пятой ниру, недалеко от Чабчала, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР). Один из павильонов этого монастыря был предназначен для хранения маньчжурского Ганджура. Дальнейшие исследования китайских источников, проведенные диссертантом, показали, что в 1952 г. этот монастырь был разрушен, шкафы разбиты, а рукопись сожжена. В настоящий момент сохранились лишь две копии маньчжурского Ганджура – в Библиотеке музея Гу-гун в Пекине и в Национальном музее в Тайбэе. Один том Ганджура хранится в Англии в библиотеке Института Вэлком, такой же – в Санкт-Петербурге в Российской национальной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Собственно маньчжурский перевод Ганджура почти не изучался маньчжуроведами, возможно из-за специфики текста, который требует не только знания маньчжурского языка и буддологии, но также санскрита, монгольского и китайского языков.

В отличие от редких изданий маньчжурского Ганджура, тексты буддийских сутр малого формата представлены во многих коллекциях мира. Самая богатая коллекция маньчжурских буддийских текстов в России находится в библиотеке Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Это так называемые *чойджод рабсал* (тексты «просняющие религиозную жизнь») – сборники сутр для постоянного употребления в ламаисткой практике. Существовало два направления переводов буддийских текстов на маньчжурский язык, что в определенной степени явилось отражением существовавших при Цин тибетской и китайской буддийской традиции. Большинство сутр и молитв переводилось с тибетского языка через монгольский, однако есть определенная часть текстов, которые из-за отсутствия тибетского оригинала переводились с китайского языка на маньчжурский (и затем на другие языки). Утилитарность использования буддийских текстов для религиозных практик подтверждается изданием в 1796 г. двух ти-

⁸ Цит. по: Kämpfe H.-R. Einige tibetische und mongolische Nachrichten zur Entstehungsgeschichte des mandjurischen Kanjur // Zentralasiatische Studien, 9, 1975. S. 543.

бетских молитв – «Славословие Зеленой Таре» и «Славословие Белой Таре» – в китайской транскрипции иероглифами и транскрипции буквами маньчжурского алфавита для тех, кто не мог прочесть текст на тибетском языке. Маньчжурская транскрипция была сделана с использованием тех графем, которые ввел в маньчжурскую письменность Дахай реформой 1632 г., однако, как оказалось, этого было недостаточно, и в тексте попадаются графемы, изобретенные самим переводчиком Фэн-шэнь Цзилунем для обозначения звуков тибетского языка. Этот текст свидетельствует о дальнейшем развитии маньчжурской письменности. Незначительное количество буддийской литературы на языке правящей монархии отчасти объясняется тем, что в многочисленных буддийских и ламаистских храмах, построенных в Пекине и других городах империи Цин, службы велись на тибетском, монгольском и китайском языках, поэтому религиозная литература на этих языках издавалась в огромных количествах.

Даосская литература на маньчжурском языке очень незначительна и рассматривается в *третьем параграфе* главы. Сейчас, после тщательного изучения европейских маньчжурских фондов и составления их каталогов, мы можем сказать, что редкая маньчжурская рукопись «Дао дэ цзин» на маньчжурском и китайском языках хранится в Рукописном отделе СПбФ ИВ РАН. По-видимому, интерес маньчжуров к даосской литературе был связан с изучением ими китайской культуры, в которую они в полной мере окунулись с установлением их династии в Китае. Однако шаманизм и буддизм существовали на всем протяжении существования Цин – от момента ее зарождения на северо-востоке Китая до падения в 1911 г. Исследуемый материал показывает, что на начальном этапе становления маньчжурской государственности и Нурхацзи, и Хун Тайчжи особое внимание обращали на формирование официальной идеологии. Циннами был создан некий симбиоз шаманизма и конфуцианства, основным элементом которого была интерпретация «функций» Неба. При этом тенгрийские и шаманские представления о духе Неба *Абкай эндур* совмещались с идеологическим представлением о Небе, вручающем мандат на правление мудрому правителю (в данном случае Нурхацзи) и покровительствующему малому, но сильному народу – маньчжурам.

Конфуцианство существовало как господствующая идеология на протяжении всей истории Цин. Шаманизм поддерживался в Пекине среди маньчжурской знати как национальная, традиционная религия маньчжуров и был основной религией в отдаленных районах проживания маньчжуров. Если конфуцианство обеспечивало моральную и идеологическую стабильность цинского общества, то шаманство оберегало общество от злых духов. Однако, «заботу» о духовном развитии индивидуума взял на себя буддизм. Поскольку маньчжуры познакомились с буддизмом еще до завоевания Китая, то постепенно он стал частью их национальной традиции. В некоторых случаях тибетские ламы выполняли функции, характерные для шаманов. После утверждения династии

Цин в Китае тибетский буддизм постепенно стал играть важную роль в жизни императорского дома, о чем подробно изложено в докторской диссертации В.Л. Успенского «Тибетский буддизм в Пекине при династии Цин (1644–1911) в культурно-историческом контексте эпохи» (СПб, 2004). Маньчжурские императоры выступали в качестве буддийских правителей (верховных лам) в общении с тибетцами и монголами, в чем им помогали императорские наставники *ди ши*. Институт *ди ши* существовал в тангутском государстве Си Ся (982–1227) и в период монгольской династии Юань (1271–1368). В обязанности высокого ламы, занимавшего эту должность, входило обучение императора основам буддизма, проведение религиозных обрядов для него и его семьи, а также консультации по вопросам Тибета, Монголии и буддизма вообще. Это был человек, особо приближенный к императору. Если при китайских династиях Тан, Сун и Мин наиболее приближенными к императору были евнухи, то в конце XVII–XVIII вв. их роль играли буддийские императорские наставники. По мнению диссертанта, маньчжурской монархии таким образом удавалось дистанцироваться от китайского конфуцианского чиновничества, и это в определенной степени способствовало самосохранению маньчжуров. Позднее, в XIX в., ситуация постепенно менялась в пользу китайского, традиционного правления, буддийские монахи отдалялись от трона, и советниками становились евнухи. Особенно явным это становится в периоды правления Гуансюя (1876–1908) и при Цыси (1835–1908).

Глава 4 «Литературные произведения на маньчжурском языке» посвящена разбору маньчжурских литературных памятников, которые подразделяются на две категории: 1) переводная литература (конфуцианские произведения и художественная литература); 2) оригинальная литература.

В *первом параграфе* главы диссертант подробно анализирует первые маньчжурские переводы с китайского языка на маньчжурский – истории не китайских династий «Ляо ши», «Цзинь ши» и «Юань ши», а также уголовные кодексы династии Мин, послужившие примером для составления собственно цинских законодательных актов. По приказу Нурхаци были начаты переводы «Сы шу» («Четверокнижие») и «Сань люэ» («Три тактики») Хуан Ши-гуна, «Лю тао» («Шесть стратегий») Лю-вана и «Вань бао цюань шу» («Книга десяти тысяч драгоценностей») Чэнь Чжиюя. В это же время Дахай руководил переводом династийной истории Трех царств, изданной в 1647 г. Интерес к этому периоду китайской истории был поддержан переводом романа «Троецарствие», изданным в 1650 г. Для маньчжуров как воинственного народа этот роман в увлекательной форме излагал стратегию китайских военных действий. Он был настолько популярен, что литературно-исторический герой Гуаньди стал примером для подражания и образцом военной доблести. Более того, Гуаньди был введен в пантеон божеств, которым поклонялись маньчжурские воины.

К 1650 г. относятся переводы «Пятикнижия», «Мэнцзы», в 1691 г. был закончен и издан перевод истории Китая «Дополнение к Всеобщему зеркалу, правлению помогающему». Любопытно, что этот выбор китайских произведений для первоочередного перевода полностью совпадает с тем, что переводили тангуты, чжурчжэни, монголы при знакомстве с китайской культурой на этапах становления их государственности. Это свидетельствует о том, что при соприкосновении с китайской культурой правительства иноземных государств интересовались в первую очередь китайской идеологической и военной литературой. Маньчжурские императоры пошли дальше своих предшественников: репертуар их переводной литературы значительно богаче. Следует особо отметить переводы китайских художественных произведений на маньчжурский язык. Хорошо известны маньчжурские переводы романов «Троецарствие» (перевод 1650 г.), «Цзинь, Пин, Мэй», драмы «Западный флигель» (перевод 1710 г.) «Избранные истории из “Ляо чжай чжи и”» (перевод 1848 г.). Самым крупным литературным переводом на маньчжурский язык в период правления Канси была «Антология классической литературы» – «Гувэнь яньцзянь».

При Цяньлуэ, в 1772–1789 гг., проводилась работа по составлению «Сы ку цюаньшу» – Императорской библиотеки «Полное собрание книг по четырем хранилищам». Этот крупномасштабный проект был непосредственно связан с отбором наиболее ценных книг и их описью. При этом проводилось изъятие и уничтожение по тем или иным причинам неудобных или крамольных произведений, содержащих выпады против правящей маньчжурской или других не китайских династий, а также книг аморальных или безразличных с точки зрения властей. Тем не менее, многие китайские романы сохранились в маньчжурском переводе, которые были выполнены частными лицами и не были уничтожены во время переписи китайских книг. В Рукописном отделе СПбФ ИВ РАН хранится несколько маньчжурских рукописей никогда не издававшихся китайских романов. Таким образом, сохранившиеся маньчжурские рукописи китайских романов дают нам некоторое представление об уничтоженных сочинениях и являются уникальными списками. Учет китайских романов, не сохранившихся в оригинале, значительно расширяет наше представление о китайской литературе и литературных связях стран Дальнего Востока.

Во *втором параграфе* главы разбирается оригинальная маньчжурская литература, к которой диссертант относит произведения, изначально написанные на маньчжурском языке, а затем переведенные на китайский и монгольский языки, и которые еще не рассматривались в трудах отечественных маньчжуроведов и китаистов. Такие произведения издавались в трехязычном варианте или каждый вариант отдельно. Наибольшее число самобытных маньчжурских произведений было написано в периоды правления императоров Канси и Цяньлуэ. Императоры сами писали оды и сочиняли стихи на маньчжурском языке. В 1711 г. был издан сборник из

36 стихотворений императора Канси под названием «Написанные императором стихи “Бегство от жары в летнее время”», которые посвящены летней резиденции в Жэхоле (Чэндэ). Сборник состоит из двух тетрадей (одна на маньчжурском языке, вторая – на китайском).

Одним из наиболее популярных и известных произведений Цяньлуна является «Написанная императором Ода Мукдэну», созданная им под впечатлением первого посещения в 1743 г. ранней столицы маньчжурского государства и могил предков. Несколько позже, в 1748 г., маньчжурский текст, записанный 32 почерками в подражание китайским квадратным почеркам, был переиздан в 32-х тетрадах. С культурологической точки зрения интересен сам факт создания этих почерков, который объясняется Цяньлуном в предисловии: «Начертание маньчжурских букв нашей династии совпадает с их произношением, поскольку их форма имеет небесное происхождение. Их писали в одиночку или попарно, добавляя больше или меньше черт, и они были доведены до совершенства. Однако формы старинных китайских почерков датированы первоисточниками, а наши не были завершены и доведены до того же совершенства; и для печатей, и для печаток используют обычные буквы. Так как я на досуге занимался изучением старинных китайских почерков, я научил свой двор и приближенных тому, как нужно поступить, чтобы создать и записать различные виды старинных букв. Поэтому князь изучали книги и рукописи, они копировали их в соответствии с их старинными формами и создали 32 вида [маньчжурских шрифтов]. Они настойчиво просили меня написать “Оду Мукдэну”, которую [я] составил в старинных маньчжурских и китайских знаках».⁹ Изобретённые 32 маньчжурских почерка, подобные китайским, были своего рода произведением искусства.

Ода написана в традиционном для китайской литературы жанре *фу* (маньчж. *фучжурунь*) как поэма-описание одического характера. Именно в этом древнекитайском стиле с обилием аллюзий на ханьские оды, «Книгу песен», «Книгу истории» и другие классические произведения китайской литературы и философии Цяньлун написал китайский текст «Оды Мукдэну», а параллельно ему – маньчжурский. В Рукописном Отделе СПбФ ИВ РАН хранится редчайшийксилограф «Оды Мукдэну» 1748 года издания, состоящий из 4 *тао* по 8 тетрадей. Хвалебный гимн *тукечунь* (кит. *сун*), написан в стихах и представляет собой поэтическое резюме предшествующей основной прозаической части *фучжурунь*. Китайский текст *сун* в «Оде Мукдэну» выдержан в традиционном поэтическом стиле по четыре иероглифа в строке с постоянными реминисценциями из древних текстов. Авторская маньчжурская версия *тукечунь* также является стихотворной, но написана она в полном соответствии с правилами маньчжурского стихосложения. Анализ маньчжурской поэтической версии, проведенный впервые диссертантом, позволяет сделать следующие выводы: 1. правила маньчжурского стихосложения совершенно отличны

от китайского; 2. китайские цитаты и парафразы из древнекитайской классической литературы вызывали у образованного китайца ассоциации с классическими текстами, однако они ничего не значили для маньчжура, воспитанного в другой культуре. Часто они были трудно переводимы на маньчжурский язык и передавались более простым языком; 3. автор маньчжурского текста иногда создавал совершенно новые фразы для пояснения своей мысли. Эти характеристики маньчжурского текста «Оды Мукдэну» были свойственны и другим параллельным китайско-маньчжурским произведениям и подтверждают мнение современных маньчжуроведов о том, что маньчжурский текст не является дословным переводом с китайского и заслуживает самостоятельного изучения.

Одним из редких произведений, первоначально созданных на маньчжурском языке, является текст «Рассказы ста двадцати старцев». Он составлен корчинским монголом Сун-юнем (1752–1835) во время его службы в Урге в 1785–1789 гг. В коллекции Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН имеется полная рукопись «Рассказов ста двадцати старцев». Ее текст предваряется тремя предисловиями – составителя Сун-юня, редактора Фурзэнта и переводчика на китайский язык Фу-цзюня, в 1809 г. сделавшего перевод. Этот текст никогда не был напечатан и существовал лишь в рукописном виде. Приводимые в диссертации переводы свидетельствуют о том, что к концу правления Цяньлуна, когда был составлен текст «Рассказов 120 старцев», конфуцианские основы морали и государственного правления воспринимались восьмизнаменными маньчжурами, как естественная часть их собственной культуры.

Другим образцом самобытной маньчжурской литературы являются тексты хрестоматий по изучению маньчжурского языка, которые использовались в знаменитых школах для подготовки китайцев и маньчжуров для сдачи государственных экзаменов. Наиболее полной из подобных хрестоматий является «Сто глав», состоящая из диалогов, рассуждений, а также коротких рассказов, раскрывающих различные стороны жизни и быта маньчжуров. Основной текст «Ста глав» написан в китайском жанре *би цзи*.

Исследовав имеющийся материал, диссертант приходит к выводу, что в XVII–XVIII в. литературный процесс проходил параллельно на китайском и маньчжурском языке. Литература на маньчжурском языке создавалась самими маньчжурами, а также монголами, служившими в восьмизнаменных войсках.

Глава 5 «Маньчжурский язык: словари, грамматики, хрестоматии» посвящена истории возникновения маньчжурской письменности и изучению маньчжурского языка как самими маньчжурами, так и монголами и китайцами.

Маньчжурский язык был государственным языком Поздней Цзинь (в 1636 г. переименованной в Великую Цин), а с приходом маньчжуров в Китай он стал официальным языком наравне с китайским. Необходимость ведения деловой переписки способствовала тому, что в 1599 г. Нурхаци издал указ о создании письменности ранних маньчжуров, т.е.

⁹ Ксилограф из маньчжурского фонда Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН. Шифр С 122 хyl. Тетр.1, лл. 1а–3б.

языка цзяньчжоуских чжурчженей, на основе монгольского письма, поручив его исполнение *дзаргучи* Гагаю и *бакшии* Эрдэни. В 1632 г. ученым Дахаем была проведена реформа письменности: добавлены диакритические знаки (точки и кружки) и созданы десять специальных графем для передачи китайских звуков в именах и названиях. Документы из «Первоначального маньчжурского архива», свидетельствуют о том, что над вопросом реформы письменности работали не два человека, а целый комитет ученых: среди них называются имена Кары и Курчяня. Диссертант, вслед за И.Т. Мороз,¹⁰ подвергает сомнению и традиционное деление истории маньчжурского письма на два указанных выше периода – с 1599 по 1632 гг. и с 1632 г. по начало XX в. Как свидетельствуют оригинальные документы начала XVII в., диакритические знаки использовались, начиная с 1625 г., а монгольская письменность употреблялась и после 1632 г. Таким образом, несмотря на то, что указ Хун Тайчжи о реформе письменности имеет конкретную дату – 1632 г., для научной периодизации маньчжурской системы письма эта дата должна считаться условной.

Знание разговорного и письменного маньчжурского языка было необходимо для государственных служащих, так как с воцарением династии Цин в Китае он стал языком делопроизводства.

В *первом параграфе* разбираются маньчжурские словари и грамматики. Словари составлялись по различным принципам – по алфавиту, подобно монгольским, и по категориям-темам, подобно китайским. Первыми составителями маньчжурских словарей и грамматик были китайские двуязычные ученые, обучавшие китайцев маньчжурскому языку. Самым ранним считается словарь «Полная книга великой династии Цин», составленный учителем маньчжурского языка Шэнь Циляном в 1683 г. (переиздан в 1713 г.). В четырнадцатой цзюани имеется приложение «Компас маньчжурской словесности» состоящее из четырех разделов: маньчжурский алфавит, сборник дидактических фраз, сборник разговорных фраз и грамматика. Фактически, это – первая попытка китайцев описать грамматику маньчжурского языка. Позднее эти разделы приложения переиздавались и дополнялись различными учеными. В 1732 г. «Компас маньчжурской словесности» был дополнен и систематизирован китайцем-учителем Шоу Пином и появился под названием «Начальное обучение маньчжурскому языку». Следующей ступенью изучения маньчжурского языка стал трехязычный словарь «Книга, облегчающая изучение трех языков», составленный монголом Фу Цзюнем и изданный в 1792 г. Маньчжуро-монгольско-китайский словарь был создан для того, чтобы помочь монголам при изучении маньчжурского языка, так как в монгольской письменности не было диакритических знаков для отличия звуков маньчжурского языка.

По образцу китайских словарей цинские ученые создали словари маньчжурского языка, где материал расположен по категориям-темам.

¹⁰ Мороз И.Т. К вопросу о периодизации маньчжурского письма // Народы Азии и Африки, № 3, 1969. С. 134.

Самым популярным из этих словарей является «Зерцало маньчжурской словесности, изданное по высочайшему повелению», изданный в 1708 г. Позднее были созданы китаиско-маньчжурская и китайско-маньчжурско-монгольская версии, затем в последнюю были добавлены тибетский и уйгурский языки. Создавались и специальные учебные пособия-словари для обучения китайцев чтению маньчжурских слогов, например, «Полный список двенадцати разрядов на маньчжурском и китайском языках», опубликованный в 1733 г. В этом пособии маньчжурские слоги расположены в порядке маньчжурского алфавита, и их чтение дано китайскими иероглифами. Китайские ключевые знаки снабжены маньчжурской транскрипцией, чтение которой и здесь передавалось китайскими иероглифами. Подобный список мог быть учебником маньчжурского языка для китайцев, и наоборот, подсказывал маньчжурам, как произносить китайские иероглифы.

Использование маньчжурского языка как официального требовало создания бюрократической лексики. В связи с этим составлялись словари типа «Выражения Шести ведомств на маньчжурском и китайском языках», в котором собраны фразеологизмы, списки должностных лиц и т.п., употреблявшиеся в Шести ведомствах, поскольку бумаги подавались на обоих языках. Для унификации передачи имен и топографических названий, встречаемых в историях киданей, чжурчженей и монголов, была создана серия словарей под общим названием «Высочайше утвержденный справочник по истории трех династий Ляо, Цзинь и Юань». В них все топонимы, имена и официальные титулы приводятся в соответствии с их употреблением в маньчжурском тексте «Генеалогические таблицы восьмизнаменных родов». Произношение китайских ключевых слов дано в маньчжурской транскрипции, которая затем транскрибируется китайскими иероглифами по системе *фаньце*. Такого типа словари-пособия должны были помочь избежать путаницы в передаче иностранных имен и названий в китайских текстах и переводах, что было и остается большой проблемой в востоковедении.

Активная переводческая деятельность по созданию маньчжурского Ганджура и других канонических текстов потребовала от маньчжуров большой лингвистической работы. В период правления Цяньлуна были созданы специальные справочники по транслитерации санскритских буддийских терминов, например, санскритско-маньчжурско-монгольско-китайский справочник. Создавались словари буддийских терминов на четырех языках, словарь санскритских буддийских имен на четырех языках. Даже *неполный список вышеупомянутых толковых словарей маньчжурского языка и многоязычных словарей* дает представление об активной лингвистической и лексикографической работе, проводившейся в империи Цин в XVII–XVIII вв.

Во *втором параграфе* главы диссертантом впервые анализируются предисловия к учебным хрестоматиям по маньчжурскому языку – пособиям для подготовки к сдаче государственного экзамена по языку. В

1746 г. некий Чжувэту составил сборник «Зерцало, в котором, познав одно, постигнешь три», материал в котором, подобно толковому словарю «Зерцало маньчжурской словесности», расположен по предметным категориям: небо, время, траурные одежды, конная и пешая стрельба из лука и т.п. В предисловии автор объясняет название своей хрестоматии: «Ученик, во-первых, овладеет китайским языком, во-вторых, научится переводить, в-третьих, усовершенствует свой маньчжурский язык».¹¹ Следующим по времени издания был сборник Юйгуя «Книга сорока глав в переводе», отпечатанный в 1758 г. В 1764 г., генерал Жун, заботясь о подготовке маньчжурских чиновников, принял участие в создании школы для детей восьмизнаменных маньчжур. В школе не имелось нужных учебников, и тогда он сам написал книгу «Сборник важного на маньчжурском и китайском языках». Почти одновременно с этой книгой появляется сборник «Легкие разговоры на маньчжурском языке». Он был составлен в 1766 г. главным письмоводителем пехоты монгольского желтого с каймой знамени Бэхэ. В предисловии Бэхэ пишет: «Маньчжурский язык – это язык нашей династии, и не знать его невозможно. К сожалению, в столице знаменные люди по многу лет живут рядом с китайцами и с раннего детства учат сначала китайский язык, и только когда подрастут, их отдают в маньчжурские школы учить маньчжурский язык и читать книги. Проучившись один-два года, они, хотя и знают слова и понимают речь, но свободно говорить не могут. Все это оттого, что [они] нечетко учат служебные слова, а произношение, употребление и значения слов им объясняют плохо – поэтому им так трудно овладеть маньчжурской речью. В связи с этим я, недостойный, собрал заметки по произношению, употреблению и значениям слов и составил эту книгу».¹² Наиболее популярным и разнообразным по содержанию явился сборник «Сто глав», о котором подробно говорилось в разделе «Оригинальная литература». В собрании маньчжурских рукописей и ксилографов Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН есть маньчжуро-китайское издание 1809 г., в предисловии к которому говорится: «Маньчжурский язык – это основа маньчжуров и не должно быть таких, кто не знает его... Однако можно встретить людей, которые понимают по-маньчжурски, но если с ними заговорить, то они теряются и краснеют. Все это оттого, что они не интересуются и не практикуются в разговоре. Более того, есть такие смешные [люди], которые еще не усвоили маньчжурскую речь, а скорее учатся переводить».¹³

¹¹ Ксилограф из Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН. Шифр В 120 хул. Тетр. 2, л. 32 а–б.

¹² Ксилограф из Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН. Шифр В 174 хул. Тетр. 1, л. 1а–2б.

¹³ Ксилограф из Рукописного отдела СПбФ ИВ РАН. Шифр В 217 хул. Тетр. 1, л. 1а–2а.

Из предисловий и собственно текстов хрестоматий, приводимых диссертантом в качестве примеров, очевидно, что основной темой сборников было изучение и распространение маньчжурского языка. На важность этой задачи постоянно указывают их составители. Интересно отметить, что в начале XVIII в. первые разговорники были написаны только по-маньчжурски, как, например, в словаре «Полная книга великой династии Цин», и рассчитаны на людей, знавших этот язык. Позднее появилась необходимость записи текста на двух языках: маньчжурском и китайском. Отчасти это объясняется тем, что к концу XVIII в. маньчжуры, проживавшие в собственно Китае, начали забывать родной язык и в быту все чаще пользовались китайским языком. С другой стороны, двуязычный разговорник был полезен и китайцам, изучавшим маньчжурский язык для сдачи государственных экзаменов и продвижения по службе. Предисловия к разговорникам, составленным маньчжурами, как в «Легких разговорах на маньчжурском языке» или в «Ста главах», свидетельствуют о том, что маньчжурский язык к началу XIX в. становится «камнем преткновения» даже для самих маньчжуров. Об этом говорили и императоры в своих указах о необходимости изучения маньчжурского языка. Китайский язык становится родным языком, а маньчжурский превращается в обязательный предмет изучения.

В **Заключении** формулируются основные выводы диссертационного исследования.

Маньчжурские источники XVII–XVIII вв. свидетельствуют о том, что первые маньчжурские императоры Нурхацзи и Хун Тайчжи уделяли большое внимание формированию государственной идеологии, основанной на сочетании древнекитайской традиции (священномудрых императоров Яо и Шуня и продолжателей династии Чжоу) и тенгризма. Уверенные в том, что представитель некийтайского социума и малочисленный, по сравнению с китайским, народ имеет право на власть в Поднебесной, Нурхацзи и Хун Тайчжи заручались поддержкой не только собственно маньчжур и присоединившихся к ним монгольских и тунгусо-маньчжурских племен, но и собственно китайцев. Это объясняет то, что многие китайцы были на службе у первых маньчжурских императоров.

Сочетание двух факторов – новой имперской идеологии и сильной армии – дало возможность маньчжурам закрепиться в Китае, поставив себя в исключительное и привилегированное положение по сравнению с китайцами. На протяжении всей истории Цин императоры заботились о самоидентификации маньчжуров; ее основными критериями были знание маньчжурского языка и умение стрелять из лука (с колена и с лошади на скаку). Тренировке этих качеств знаменных маньчжур уделялось особое внимание.

Разобранные в диссертации ранние маньчжурские документы ценны для историков тем, что они явились не только материалом для «правдивых записей правления» императоров на маньчжурском языке, но и для их хорошо известных версий на китайском языке. Они в значительной степени дополняют китайские источники в силу альтернативной трак-

товки событий и подробностей приводимых фактов. Более того, маньчжурские оригинальные тексты позволяют исправить и некоторые историографические ошибки, укоренившиеся в российской и европейской науке, как например, доказать, что реальное имя второго маньчжурского императора было Хун Тайчжи.

Маньчжурские письменные памятники свидетельствуют, что императоры обращали большое внимание на создание маньчжурской письменной культуры. Примером такого творчества является разобранный в диссертации «Написанная императором Ода Мукдэну», созданная по образцу древнекитайских од. К концу XVIII в. императором, его приближенными, а также знаменитых офицеров был создан тезаурус китайской культуры на маньчжурском языке. При этом сложные китайские понятия передавались более простыми средствами маньчжурского языка. Безусловно, в этом случае терялась сложность метафор и ассоциаций древних классических текстов, однако смысл и идейная сущность были выражены адекватно. Маньчжурский текст «Рассказов ста двадцати старцев», написанный монголом Сун-юнем в Урге, стал реализацией мечты Цяньлуна о том, чтобы его подчиненные и знаменитые маньчжуры и монголы говорили по-маньчжурски языком китайской традиции. Этим же пронизаны тексты маньчжурских хрестоматий, составленных представителями различных социальных и национальных слоев цинского общества.

Анализ маньчжурских письменных памятников XVII–XVIII вв. позволяет сделать вывод, что за этот период маньчжурам удалось создать своеобразную *цинскую культуру*, представляющую собой синтез культур различных народов (китайской, маньчжурской, монгольской, тибетской, позднее и уйгурской). Однако в ней отчетливо вырисовываются маньчжурские национальные особенности. Это было вполне естественно, в силу особого, привилегированного положения маньчжур при цинской династии. Смещение двух господствующих культур усложняет выделение национальной маньчжурской специфики. Выявление национальных особенностей маньчжурской культуры облегчается только с привлечением маньчжурских письменных памятников. Поскольку маньчжурские фонды Европы, Китая и России являются ценнейшими источниками по истории и культуре маньчжуров и китайцев империи Цин, то они требуют дальнейшего изучения для изучения всех аспектов истории и культуры империи Цин.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

• *Монографии:*

1. «Der Schamanenhof.» Die sibemandschurische Handschrift *Saman kūwan-I bithe* aus der Sammlung N. Krotkov. Wiesbaden, 1992 (Shamanica Manchurica Collecta, 2). 104 сс.

2. New Light on Manchu Historiography and Literature. The discovery of Three Documents in Old Manchu Script. – Wiesbaden, Harrassowitz, 1998. (в соавторстве со Стари Дж.)

3. Manchu Materials in Paris. Manuscripts. Blockprints. Scrolls. Rubbings. Weapons. Wiesbaden, 1998. 143 сс.

4. Описание маньчжурских рукописей и ксилографов Санкт-Петербургского филиала Института востоковедения РАН. Вып. 2. Висбаден, 2001. 234 сс.

• *Статьи:*

5. Маньчжурская хрестоматия «Тангу мэнь» («Сто глав») как историко-литературный памятник эпохи Цин // 13 научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1982, Ч. 2. С. 149–155.

6. Маньчжурские разговорники из собрания ЛО ИВ АН // ПП и ПИКНВ. XVII годичная научная сессия ЛО ИВ АН СССР. (доклады и сообщения) Январь 1982 г. М., Наука, 1983. Ч. 1. С. 79–84.

7. Архивные материалы А.В. Гребенщикова по шаманству маньчжур // 22-я научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., Наука, 1991. Ч. 1. С. 136–140.

8. Manchu Collections in Leningrad // Proceedings of the 6th International Conference on the Chinese Materials Outside China, Taipei, 1991. Taipei, 1993. P. 25–42.

9. New Evidence about Shaman Practices among the Sibe-Manchu people in Xinjiang // Proceedings of the 35th Permanent International Altaistic Conference. September 12–17, 1992, Taipei, China. Taipei, 1993. P. 387–397.

10. The Kun-ning-gung Palace in Peking: The Manchu Dynasty's Shaman Center in the “Forbidden City” // Shaman, vol. 1, no. 2, autumn 1993. P. 57–70.

11. Catalogue des livres mandchous de la bibliothèque de Musée Guimet // Arts Asiatiques 51, 1996. P. 150–155 (в соавторстве с Макуэн Ф.).

12. Особенности маньчжурского поэтического текста «Оды Мукдэну» императора Цяньлуна // Altaica I. М., 1997. С. 68–78.

13. Materialien zum mandschurischen Shamanismus aus der Sammlung A.V. Grebenšikov // Studia et Documenta Manchu-Shamanica. Wiesbaden, 1998, p. 31–46. (Manchurica Shamanica Collecta, 5.)

14. N.N. Krotkov's Manuscript “A trip to a Sibe Buddhist Monastery in Autumn 1899” // Aetas Manjurica. T. 6. Wiesbaden, 1998. S. 77–122.

15. История создания маньчжурской рукописи «Рассказы ста двадцати старцев» // Altaica III. М., 1999. С. 73–81.

16. The Manchu script reform of 1632: New data and new questions // Studia Orientalia 87, Helsinki 1999. P. 201–206.

17. «Устав шаманской службы маньчжур» в переводе А.В. Гребенщикова из Архива востоковедов // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Доклады научной конференции. СПб., Петербургское востоковедение, 2000. С. 102–109.

18. Находка конца XX века: самый ранний маньчжурский ксилограф // Altaica IV. М., 2000. С. 91–100.

19. Концепция Неба у ранних маньчжур // Altaica VIII. М., 2003. С. 143–151.

Отпечатано в ООО «АкадемПринт».
С-Пб. ул. Миллионная, 19 Тел.: 315-11-41.
Подписано в печать 29.09.04.
Тираж 100 экз.